

Света Нахимберг
ҚОНДАС

Қондас

Қондас

Света Нахимберг Кондас

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=31187993

ISBN 9785449063083

Аннотация

Время текло день за днём, как медленные воды Кондаса. Эту реку называют Северный Кондас, а в народе просто Кондас, он протекает в Усольском районе ныне Пермского края: правая составляющая реки – Кондас, левая – Сирья. Северный Кондас образуется слиянием двух рек: левый приток – Галя, правый – Гижга, слияние рек находилось у деревни Трезубы... Один Господь знает, кому и что предназначено! Всё это прослеживается на поколении, родившемся на северной реке Кондас.

Кондас

Света Нахимберг

Дизайнер обложки Илья Сергеевич Гончаров

© Света Нахимберг, 2018

© Илья Сергеевич Гончаров, дизайн обложки, 2018

ISBN 978-5-4490-6308-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Большая деревенька, по тем временам, имела более 200 дворов, Ощепково, дома были бревенчатые, из местного строевого леса: этот сузёмный лес окружал основную часть деревни. Вся она находилась как бы во впадине, в низине, но несколько домов расположились на пригорке довольно больших размеров, чистый от деревьев он напоминал вытянутый прямоугольник, в народе его называли «Портянка». Место удобное: во время разлива речушки-притока Кондаса, прибрежные дома заливало, а на «Портянке» всегда было сухо, вид на деревню открывался во всей красе. Дома были тёмные, а заборчики вокруг них все красили в те цвета, какую краску по случаю покупали во время поездки в город. В деревне центром было большое здание местного купца:

в доме было много комнат – семья многодетная, несколько сыновей, столько же дочерей, как говорится «полный комплект», но никто не был застрахован от прироста семьи, рожали всех, кого Бог дал. Жили по примете: сколько бы ни было народу, столько Бог и хлеба даст, никого не обделит. Одежду покупали старшим, младшие донашивали за старшими, поэтому и обувь, и одежду берегли, за порчу «учили» горохом, который стоял в углу кухни: немного было его в мешке, но долго не простиошь на коленках. Рядом с этим большим домом стояла школа: её строили всем миром, заготавливали лес, просушили, укрыв от дождей и снега. На следующий год собирали «помочь» – так строили и маленькие дома, и большие. Мужчины-мастера на все руки: владели всеми необходимыми инструментами: со стороны казалось, что всё было так просто, а нет. Мужчины работали, возводили от венца к венцу здание, женщины приносили из дома большие чаны, готовили на всех и первое, и второе, запивали очень вкусным квасом, секретом приготовления его была тётка Валиха, жена Валентина: таков был обычай замужних женщин, их звали по имени мужа. Муж-Павел, жена-Палиха, муж Семён-жена Сениха, муж Николай-жена Колиха: так звали женщин, потому что в деревне были две фамилии – Бабины да Малинины. Женщины и сами-то начинали забывать свои имена, данные им по крещению, только среди родителей, братьев и сестёр их звали обычными именами. Но к родным замужним женщинам удавалось приходиться редко: забот

у них много, семьи большие, и накормить, и напоить, а то и сшить что-то, или заштопать. Только в Престольные праздники они выкраивали время побывать у родных, обязательно с гостинцами, приготовленными своими руками. Мужчины ещё реже приходили к родственникам, работы по дому было много: что-то отремонтировать, забор поправить, крышу подлатать, а то и протоптанные валенки подшить. В любом доме хранились куски от никому не подходящих валенок, их использовали как подошвы для починки, каждый имел дратву, такая плотная в несколько ниток шпагат который обтирали смолой для крепости, с помощью шила прокалывали в подошве дырочку, туда большой «цыганской» иглой просовывали дратву, чтобы крепче был шов. Всем было дело, никто не валял дурака, с малых лет детей приучали трудиться, дармоедов в доме не было, но «царствовал» домострой – отец являлся главой семьи, а в семье, где был жив дедушка – он был главой! Никто не смел ни соврать, ни утаить что-то от родных. Обо всех событиях в деревне новости разносило «сарафанное радио», как говорится, из уст в уста. В деревне купец открыл магазин: выкупил у наследников большую избу, всё переустроил под удобное хранилище для продуктов, погреб в доме позволял загружать его скоропортящимися продуктами. Прилавок и полки, служащие витринами, давали представление о наличии товара. Ассортимент магазина был сформирован по видам продуктов, которые предпочитали покупать селяне. Этот «островок» собирал всех, ко-

му надо было что-то купить, но не только: здесь обсуждались все новости деревни, каждый из присутствующих мог высказать своё мнение (за что был не раз бит, но упорен в своём высказывании). Кто с кем гуляет, кто собирается замуж или жениться...

С «портянки» ходить в лавку было далековато, а нести покупки и далеко, и тяжело. Но никогда от них никто не слышал жалоб: ведь их «хуторок» имел в остальном много преимуществ. Там жила семья, если сравнить с другими семьями, небольшая. Большим минусом было то, что в семье было всего два мужика: отец и малолетний сын, который был третьим ребёнком в этой семье. Старшая сестра отказалась учиться в школе (школа была далековато, но не поэтому она не ходила в школу: у неё была длинная коса, в неё вплеталась атласная лента из которой получался на конце бант). Когда она пошла в школу, семья собрала её из наличия одежды, не было никакого портфеля, но отец отдал ей свою большую льняную торбу, в которой умещалось всё, необходимое для школы. Звали её Афанасия (это имя было в святцах в день её крещения). Она с малых лет следила за младшей сестрой, которая была на три года моложе. Но с первых дней старшая сестра следила за младшей, качая подвешенную под стреху люльку, когда сестричка начинала плакать. Афанасия сама была ещё маленьким ребёнком, но она была старшей – это по Домострою была её обязанность. Приходила с поля маменька, чтобы покормить детей, младшая засыпала, а стар-

шая, прислонясь к родительской кровати, дремала, чтобы не «прослушать» малышку. Когда пришло время отдавать её в школу, младшая сестра присматривала за младшим братишкой: так они и жили.

В школе Афанасия проучилась меньше недели: в помещении, где учились все четыре младших класса, стояли длинные на четыре человека столы, за ними стояли лавки, отполированные прежними учениками. Мальчик, который сидел за столом сзади, иногда дёргал Афанасию за косичку, она сначала терпела, не реагировала на его шалости. Видя это, мальчишка решил на более эффективный способ «агрессии», он развязал бант на косе Афанасии и за концы его умудрился привязать косу к лавке, на которой сидела девочка. Когда учитель вызвал к доске Афанасию, она попыталась встать, но коса была накрепко привязана к лавке. Учитель не могла понять, почему девочка и к доске не идёт, и с места ничего не говорит. Учитель вызвала к доске другого ученика, а Афанасия сидела и молчала до конца урока. Прозвенел звонок, все лавиной ринулись на перемену, а Афанасия изловчилась, нащупала конец ленты и развязала узел. Молча собрала свои школьные вещи в тятенькину сумку и пошла домой. Пришла домой вовремя: плакал малыш в люльке, а Пелагея, так звали младшую сестру, не могла его успокоить. Поля, так звали сестрёнку, плакала, она очень боялась наказания, что не усмотрела за братом. Тятенька приехал в этот день поздно: он возил вниз по реке свежую свинину,

чтобы там продать её и купить для семьи необходимые продукты и вещи. День оказался удачным, он купил всё, что хотел. Разгрузил повозку, девочки кинулись к нему, отец сразу смекнул, что в доме не всё в порядке: у младшей дочери глаза были припухшие оттого, что плакала. Отец расспросил девочек, что сегодня произошло. Первой заговорила Афанасия: «Тятенька, родимый! Я не пойду больше в школу – меня там донимал один мальчик, а сегодня он привязал меня за косу к лавке. Мне очень стыдно, что я не ответила урок, когда учитель вызвала меня к доске, а жаловаться не хотела. Больше не пойду и косу отрезать не дам!» Впервые девочка говорила с отцом в таком тоне, она боялась, что тятенька рассердится. Но отец обнял свою старшенькую, поцеловал в макушку и сказал: «Нет, так нет! Я не учёный и ничего! Чему надо, жизнь научит! Будешь за домом приглядывать, хозяйством заниматься, работы хватит. Иди в сени, там для тебя подарочек и для Поли, принеси!» Афанасия от радости, что тятенька её понял, побежала в сени. В мешке лежали печатные пряники, вязанки баранок, три отреза на платья и красненькие бусы: здесь лежали подарки для всей женской половины семьи. Афанасия с Полей набрали в руки все подарки, едва донесли до лавки, стоящей вдоль стены горницы. Подошел тятенька, разобрал подарки на три части, а пряники заставил высыпать в большую глиняную миску на столе. Пришла с поля жена, увидела радостных детей и мужа Семёна, всё сразу поняла. Муж взял один из отрезов с крупны-

ми цветами на синем фоне и приложил его к жене: «Нравится? Хочешь, длинное платье сшей, хочешь – две кофты, сама решай!» «Сенечка! Какой ты у меня хороший!» «А вот эта ниточка с крупными красными бусинами тебе нравится?» «Очень нравится, Сенечка!» «А девочкам купил всё одинаковое, мало ли что, будут лоскутки, чтобы зашить прорванные места: они обе горазды по заборам лазить и „зависать“ на них, шустрые растут. А вот ещё мальчик народится – всё куплю, что ни пожелаешь!» «Да пока Ванечка мал, рано думать о втором мальчике...»

Время текло день за днём, как медленные воды Кондаса. Эту реку называют Северный Кондас, а в народе просто Кондас, он протекает в Усольском районе ныне Пермского края: правая составляющая реки-Кондас, левая-Сирья. Северный Кондас образуется слиянием двух рек: левый приток-Галя, правый-Гижга, слияние рек находилось у деревни Трезубы. География этих таёжных мест немыслимо изменилась: меньше осталось старых высоких деревьев, севернее истока Кондаса нашли новые месторождения полезных ископаемых, для их разработки проложили постоянные дороги, пригодные для проезда по ним тяжелого транспорта. Эта дорога теперь проходит рядом с Ощепковым, а раньше или от Усоля, или от Березников речным трамваем доезжали до Пыскора, на правом берегу Камы (в неё и впадал Северный Кондас), «поколесив» изгибами по возвышенностям и впадинам 31 км. Из Пыскора шли в Ощепково пеш-

ком, не много, ни мало целых 15 километров, дорога была не из лёгких: покрытия не было, это была обыкновенная земля с глубокими колеями, в которых постоянно скапливалась дождевая вода. Ноги скользили по обочине, но самое тяжёлое начиналось на болотистой местности: там была пологая гать из срубленных деревьев, скреплённых прочными верёвками, которые быстро изнашивались и брёвна «разъезжались» под ногами. Когда шли в деревню, несли пустые корзины, вёдра, теса, короче, налегке. Но «эквилибр» по разъезжающей под ногами гати был не прост, в любую минуту можно было сорваться со скользкого бревна и «ухнуть» в болото, а там – кому как повезёт. Но цель оправдывала средства: впереди были грибные, ягодные места и там была крыша над головой, а это важно. Так ездили в Ощепково и на телегах, а зимой на розвальнях: как ни странно, но болотистые места зимой были такими же хлипкими, как и летом.

Семён, глава семьи, дождался ещё одного сына – угодила жена мужу. Но это не был готовый работник, сколько ещё ждать, когда он вырастет. Зато первый сынишка подрос к этому времени, ему доверяли пасти козочек, он ходил за ними по пригорку, на котором они щипали травку, Ванечка собирал землянику, которая была такая вкусная с куста! Мама давала ему завёрнутых в тряпицу шанежек с картошкой, а за пазухой бутылочка молока. Вечером он приводил козочек домой, мама доила их, первый стакан пастуху. Молоко было тёплым, парным, очень полезным для роста маль-

чика. Разведённым молочком поили и Пашеньку, младшего сыночка, когда он уже подрос и грудного молока ему не хватало. Девочки тоже подросли, они вместе с мамой ходили на работу в поле, Пелагея работала не долго, потом шла присмотреть за братом. В поле работы было много: выращивали картошку, репу, брюкву, горох, пшеницу, рожь, некоторые пытались выращивать гречиху, она хорошо вызревала и была отличным подспорьем зимой для прокорма семьи и многочисленного скота. Была у них и корова, поэтому Семён заготавливал на зиму сено, выкашивал промежутки между деревьев, сушил его, а потом сгребал в копёшки, придавливал молодыми стволами деревьев, чтобы не разнесло ветром. Когда копен становилось много, он сгребал их в стога, укреплял более надёжно, сверху закрывал лапником, подпирал стволами деревьев, привязывал их верёвками из мочала, на зиму заготавливали не менее трёх стогов, чтобы до свежей травы хватило. Сено стелили и в курятнике: кур держали все сельяне, жили натуральным хозяйством. В Ощепково даже пасечники были: они вывозили ульи в места, где была посажена гречиха, в лесу-обилие цветов, так что бортники (пчеловоды) не оставались в убытке. А меда собирали так много, что продавали и своим соседям, возили в ближайший город, а при избытке мёда, его возили в большой посёлок городского типа – Березники, который впоследствии стал очень крупным городом, переправляясь через Каму на её левый берег...

Девочки и сыновья подрастали, работников в доме при-

бавлялось, обязанности делились теперь иначе: девочки управлялись на полях с мамой, ей стало гораздо легче, теперь они могли и пообедать домой сходить, разогреть в печи готовую с вечера еду, это лучше, чем всухомятку на полосе перекусывать. Девочки росли, как говорится, «ни по дням, а по часам». Младшая перегнала старшую и по росту, и по стати! Невеста, да и только! В деревне много было молодых парней, готовых жениться, после трудового дня молодёжь собиралась у школы: там был пятачок для плясок и танцев. В те времена очень модной была кадрили: она позволяла в процессе танца знакомиться, а то и ждать, когда по рисунку танца желанные могли повстречаться. Так Пелагея присмотрела очень красивого парнишку, но они никак не могли познакомиться. Да и Пелагея была младшей дочерью в семье, оставлять старшую сестру в «старых девах» не хотела, между ними всегда был мир и лад. Пелагея как-то вечером после танцев поделилась с сестрой, что ей понравился парнишка, но, как его звать, она не знала. «Афонюшка! Я не могу с ним знакомиться, потому что я моложе тебя. А у тебя есть кто-то на примете?» «Глупенькая, Полюшка! Я познакомлю тебя с этим парнишкой, который тебе нравится! Жизнь коротка, тем более „бабий век“, если у вас взаимная симпатия, которая перерастёт в любовь, выходи замуж и ни о чём не думай! А мне ещё не встретился такой!». Сёстры обнялись, пожелали друг другу «Спокойной ночи» и разошлись по своим лежанкам: особой мебели не было, спали

кто где, на лавке, на полу, на печи, на полотах. Ночь казалась такой короткой, что утром ломило все косточки, молодые, а отдохнуть не успевали, снова в поля. Всё решает время в нашей жизни, кажется, что всё впереди, будет другая красивая жизнь, ждёшь её, а она пролетает в серых буднях, заботах по дому, а ещё и дети рождаются, хлопот прибавляется, так день за днём. Парнишку, который понравился Полюшке, звали Сергей. Оказалось, что Пелагея ему тоже очень нравится. Он был одним сыном в своей семье, после него рождались ещё дети, но они жили не долго, месяц-другой и умирали. Причины никто не знал: на всю деревню была одна травница, но и та ничем не могла им помочь. Так вырос Серёжа один – любимый сын! Свадьбу назначили, как и водилось, на осень, после уборки урожая: закрома полны, на зиму всего припасено, «гуляй, не хочу!». Пелагею пригласили жить к себе в дом родители Сергея: не принято было в примаках ходить. Для Пелагеи и её семьи это было и печально, и радостно: теперь дочь они будут видеть изредка, тем более, что дом Сергея стоял в центре деревни.

Молодые разместились в маленькой комнатке, отделённой от горницы тканевой шторой: она была соткана руками мамы Сергея: большинство женщин располагали ткацкие станки около печи, зимы на Северном Урале суровые. Полевые работы закончены, домашние дела можно сделать быстро, а остальное время куда девать... Вот и находилось занятие ткать полотенца, половики, ткань для одежды. Всё

необходимое для жизни делали сами, из подручных средств, пораскинув мозгами, получалось сначала что-то неказистое, думали-думали всей семьёй, придумывали: там что-то добавят, в другом месте – уберут, получается самая необходимая вещь в хозяйстве. Смекалистый у нас народ! У Сергея были золотые руки, за что ни брался, всё получалось! Пелагея нарадоваться не могла на своего мужа, дети у них рождались все желанные, красивые. Но у всех были разные характеры: некоторые хитрили, некоторые могли так разжалобить родителей, что они разрешали им в этот день не работать. Всего у Сергея и Пелагеи родилось четверо деток: три мальчика и одна девочка. Николай, Антонина, Иван, Виктор – это были надежда и опора для отца и мамы, много было бессонных ночей, одоление детских болезней, сбитых коленок и локтей, всё, как у всех детей. Один из них был какой-то особенный: он мог рассказать такие небылицы, «что ни в сказке сказать, ни пером описать». Эта его особенность беспокоила родителей: им хотелось знать, что же делал на самом деле сын в своё отсутствие. Но никакими методами родителям не удавалось узнать правду. Дети росли дружными, не давали в обиду своих, вставали стеной и никто не пытался «пробить» эту стену. Они и по дому делили заботы поровну, никто не отлынивал от порученного дела и всё бы хорошо, но Сергей заметил, что Иван подворовывал вкусные пряники или леденцы, которые, как и все, он привозил из Усолья – ближайшего большого города. Однажды он застал Ивана, как говорится, «на ме-

сте преступления»: тот залез в крынку, в которой лежали леденцы. Если бы он не был жаден, то взял бы пару-тройку конфеток и вытащил руку, а он всей ладонью взял в кулак леденцов, рука-то и застряла. Сергей подошел к нему сзади, окликнул, Иван от страха вздрогнул. «Разожми кулак, руку сможешь вытащить!». Иван разжал руку, повернулся к отцу. Сергей взял его за ухо и повёл «на горох», Иван расплакался, но отец был непреклонен. «Стой! Хитрее всех хочешь быть? У кого крал? У семьи! Если тебе что-то надо – спроси, всегда дам, разве не так?» Иван только кивал головой, обливаясь слезами. Сергею стало жалко сына, но научить надо, пусть постоит. Иван попросил у отца прощения, сказал, что никогда так делать не будет. Сергей спросил: «Горстью воровать?» «Нет! Совсем красть не буду!» Поверил Сергей сыну, выпустил из угла, растёр ему колени от вмятин гороховых. Любил отец своих детей. Обычно дети ходили на реку искупаться, позагорать. Родители разрешали, только предупреждали, чтобы все вместе держались и смотрели за младшеньким Виктором. Ребятишки ходили купаться на заводь, перед запрудой на Кондасе: там вода прогревалась, можно было купаться. Они брызгали друг друга водой на разомлевшие на солнышке спинки, визжали от неожиданности. А Виктор, чтобы скрыться от таких брызг, перелез через запруду и упал в воду: его отсутствие заметили не сразу, а в это время Виктор ещё барахтался в холодной воде, Коля и Ваня бросились спасать брата, но в холодной воде у Виктора свело судоро-

гой ноги, он камнем ушел под воду. Мальчишки пытались поднырнуть и вытащить брата, но вода была очень холодной, они тоже могли утонуть. Тоня сидела на запруде и плакала от жалости к брату, кричала Коле и Ване, чтобы вылезали, а то и сами утонут.

Дети втроём медленно брели к дому, слёзы застилали глаза, а в них «стояла» та страшная картина, как Витенька ушел под воду, только волны расходились на этом месте. Сколько ни медли, а дорога всё равно идёт к дому, а как рассказать родителям про младшего братика: это ведь они не досмотрели за ним. Дома был только отец, мама пошла в лавку. Отец увидел, что пришли только трое деток. «Где Витенька?» – спросил отец. Дети криком запричитали, зарыдали, ни один из них не мог ничего рассказать, только Тосенька махала рукой в сторону реки и ничего не могла сказать. Пришла Поля из лавки, положила в сени покупки, услышала горестный плач детей. Сергей встретил её, усадил на лавку, в руках был ковшик с водой: он уже и детей пытался поить, но они только плакали не переставая. «Что случилось?» – спросила Поля. «Ничего не смог „вытянуть“ из детей, но они вернулись с купания без Виктора» – Семён заплакал, смахивая текущие слёзы. Поля упала без чувств на лавку. Семён набрал в рот воды и начал брызгать на Полю. Она пришла в себя, Семён обнял жену, и они вместе с детьми горько плакали, не переставая. Первым одумался Семён. «Что же мы сидим? Надо хоть найти сыночка! Побежали на реку!» По дороге их спра-

шивали соседи, куда они бегут, что случилось? «Да, Витенька наш утоп в Кондасе...» К бегущим присоединились мужчины, свободные от работы – мало ли помощь будет нужна. Так все спешили к реке. Мужики сходили и наломали тонких стволиков деревьев, тоже могут понадобиться: вода очень холодная, не больно-то нырнёшь. Все вместе пошли по ходу реки, бороздя по воде деревцами, но Виктора нигде не было. Некоторые пошли быстрее и на одном из изломов реки они увидели Витеньку: его прибило к берегу и он лежал на боку, как будто прилёг отдохнуть. Надежды на то, что он ещё жив, не было. Подошла семья Семёна: детей и Полю Семён не подпустил к утопшему. Он подошел к нему, взял на руки, обнял, сложив ручки Витеньки, чтобы не падали из объятий отца. Он пронёс его сам до самого дома, за ним «ручейком» шла его семья.

Малыша похоронили на Портянке: там было деревенское кладбище, на угоре, отовсюду видно. Кто бы ни смотрел в ту сторону, обязательно осенял себя крестным знаменем со словами «Царствие небесное!». Пелагея на похоронах сыночка едва держалась на ногах, её придерживали сестра и отец, бабушка стояла рядом с могилкой и оплакивала внука. На поминки никого специально не звали, приходил тот, кто знал покойного и выражал своё искреннее соболезнование. В деревне все знали обо всём, что происходило в семьях. Малыша всем было очень жаль, жалели и оставшихся троих: им было и горестно, и страшно, дети, а такое не всем

взрослым дано пережить. В сердце матери никогда не утихнет боль о сыне, которого не вернуть, говорят – время лечит, нет, оно только приглушает боль утраты, но при любом соприкосновении с вещью или игрушкой, сердце бодело, и не было этой боли конца. На людях Пелагея старалась держаться, а уж останется одна в доме, возьмёт рубашечку ушедшего ребёнка, так взвояет, так рыдает, но никому не понять её. Сергей занимался своими мужскими делами, сыновья по мере их возраста и умения помогали ему. Пелагея ходила на поля вместе с мамой: там тоже много дел, растения, как дети, требуют ухода, любви и ласки, иначе и урожая не будет. Большие семьи, в которых дети подросли и могли помогать не только мелкими работами по дому и двору, но и одни ставили мельницы, чтобы местные жители не возили зерно далеко от деревни, другие занялись сбором и переработкой молока, пока коровы были почти в каждом дворе. Расплачивались с ними хозяева готовой мукой, а молокозавод выделял за сданное молоко сливочное масло, густую свежую сметану. Но уж больно дорого приходилось крестьянам расплачиваться за натуральные продукты: мешок муки из пяти мешков зерна, 50 литров молока за полкило масла или два литра сметаны. Но оборудование для переработки своих сырьевых продуктов у крестьян не было, копили копеечка к копейке, чтобы купить вскладчину сепаратор для переработки молока. А Кондас исправно трудился на мельнице: хоть и не очень быстрое было течение, но хороший хо-

зьяин находил место, чтобы и мельнице воды хватало, и крестьянам возить зерно не далеко.

Приближался 1916 год. К этому времени в деревне строили катушки, утрамбовывали снег, поливая сверху водой, подмерзал один слой, укладывали следующий – так получалась прекрасная горка, с которой в праздник катались и дети, и молодёжь. Афанасия познакомилась с пришедшим к ним в деревню молодым парнишкой, который переходя из одного села в другое занимался ремонтом обуви, подшивал валенки, мог и шкуры выделывать, а из них шил ботиночки на заказ. Приглянулся он Афанасии, она рассказала тятеньке, что полюбила этого молодца, но он не местный, из Мордовии, так зарабатывает на жизнь деньги. Ничего она о его семье не знала, он часто провожал с гулянья Афанасию домой, но только до двери, ничего не рассказывая по дороге. Из деревни на Портянку дорога дальняя, он обнимал её за плечи, чтобы не замёрзла, при этом ничего не говорил. А то, что он из Мордовии, она узнала от подруги, которая жила в центре. В один из вечеров парнишка разговорился, оказалось, что зовут его Иосиф, он из большой семьи, детей много, а есть нечего, вот и уходили многие «рукастые» ребята зарабатывать, тем ремеслом, которому был обучен. Так Иосиф оказался в Ощепково. Однажды Афанасия пригласила его домой погреться, чаю попить, с родителями познакомиться. Так тятенька его и увидел, понравился Иосиф ему, лишнего слова не скажет, уважительно относится и к стар-

шим, и к Афанасии. Через несколько месяцев знакомства Иосиф пришел к ним свататься: родители были далеко, друзей не было, поэтому он решился на этот самостоятельный шаг. Войдя в избу, Иосиф перекрестился на все четыре стороны и обратился к Семёну: «Я пришел просить Вашего разрешения жениться на Афанасии! Позвольте ли нам обвенчаться?» «Пришел, так проходи! Решим, но сначала Афанасию спросим: хочет ли она за тебя выходить?» Афанасия вышла из горницы, посмотрела на улыбающегося отца, поняла, что он согласен, сказала: «Я выйду за него замуж, тятенька, с Вашего благословения!». Из горницы вышла маменька с иконой в руках. «Что, отец, благословим молодых?» Отец и мама подошли к Иосифу и Афанасии, произнесли самые важные для этого мгновения слова и молодые по очереди поцеловали икону. «Вот и славно! А когда свадьба?» – спросил Семён. «Как скажете! Я денег подкопил, чтобы жениться, можно на любое время назначить венчание! Только у меня просьба к Вам: жить мне негде с молодой женой, не разрешите быть у Вас в примаках?» «Ты у нас за сына будешь, а места вам хватит, дом просторный!» – ответил Семён. Начали готовиться к свадьбе: невесте надо было своими руками приготовить приданое, поставили бражку и приготовили всё для домашнего пива. Продукты были все свои, слава Богу, год был урожайный. Через месяц молодых повезли в ближайшую церковь, где прошло венчание. Иосиф и Афанасия были счастливы, они любили друг друга, вскоре Афанасия забе-

ременела. Тятенька не нагружал её тяжелой работой, берёг. По дому Афанасия делала всё, что могла, но её очень изнуряла не проходящая тошнота. Маменька говорила, что с лица видно, будет им внучка: Афанасия подурнела, примета такая, что дочь красоту у будущей матери забирает. Пришла зима, на прогулки Иосиф с женой ходили только по Портянке, холода стояли жуткие, так можно и простыть, а этого никак нельзя было допустить. Жизнь шла своим чередом, молодёжь и детвора катались с горок, водили хороводы, играли в снежки. Иосифу стало грустно: и работы, как таковой нет, да и праздник, все веселятся, гуляют, а Афанасию от ведра не оттащить – тошнит беспрерывно, вымоталась она, устала от такого состояния организма. Ему бы поддержать как-то жену, а он оделся и пошел на улицу прогуляться. Через некоторое время в окно постучали, Афанасия посмотрела, разогрев дырочку дыханием, кто стучит. Там стояла её давняя подруга, чтобы та не мёрзла, Афанасия впустила её в избу. У подруги прямо язык «чесался», так хотелось рассказать новость об Иосифе. «Ты дома сидишь, от ведра поганого не отходишь, тошнит тебя, а муженёк твой с солопшицей с катушки в обнимку катаются».

Солопшицами называли соломенных вдов, у которых муж пропал без вести – тогда многие уходили подработать на заготовке древесного угля, бывало, что некоторые погибали, раздавленные спиленными деревьями, были и другие трагические случаи, но о них никто ничего не знал. Позднее, ко-

гда началась гражданская война, мужья пропадали без вести, а жены оставались одинокими, их тоже называли солопшицами. Подруга в таких красках рассказывала об Иосифе, что Афанасии хотелось вытолкать её за дверь, но та доби-лась своего, «посыпала соль на рану». После ухода подруги, Афанасия закрыла дверь на засов и взяла «чумоданишко» Иосифа: она с таким остервенением бросала в чемодан лич-ные вещи его, ходила по дому и проверяла, чтобы ничего не оставить. А ведь она оставила самое большое богатство, к которому был причастен Иосиф – ребёночка, который дол-жен вскоре родиться... Она выставила чемодан Иосифа в се-ни, а дверь в дом закрыла на засов: родители гостили у Пела-геи, так что никто, кроме мужа, не пришел бы больше. Время было позднее, а она так и не ложилась спать, ждала развяз-ки своей короткой семейной жизни. Пришел Иосиф, вошел в сени, толкнулся в дверь избы, она была заперта. Он стал стучать кулаком, ногой, думал, что Афанасия спит. Громко кричал, но из избы никто так и не вышел. Афанасия подо-шла к двери и сказала: «чумоданишко» свой видишь, там всё твоё! Можешь идти на все четыре стороны, а ко мне не подходи больше. «Да ты что, жена, ничего у нас с солоп-шицей не было. Ну, скатились несколько раз с горки, так ка-кой в этом грех? Отопри дверь, Афанасия, замёрз я очень!» «Нет! Иди, грейся куда хочешь, а домой я тебя никогда не пу-щу!» Долго уговаривал Иосиф жену, она была непреклонна в своём решении. Такая обида захлестнула её, что она да-

же плакать не могла, брала в руки старые тряпки и рвала их на узкие ленточки, из них плетут круглые и квадратные коврики: их стелили при входе в дом из сеней, перед кроватями, чтобы босым ногам было не холодно вставать среди ночи по надобности. Так она сидела и все отрицательные эмоции «прятала» в эти ленточки, которые свивала в клубки: потом легче было вязать коврики. Иосиф постоял-постоял перед дверью, вздохнул, признавая свою вину, пошел по улице, но никого не встретил: время позднее, все разошлись по домам. Иосиф дошел до лавки. Это была очень долгая и холодная дорога, но он надеялся, что сторож лавки пустит его погреться. Он постучал в окно, подошел сторож, Иосиф попросился к нему погреться. Сторожу одному скучно было, он рад был Иосифу, но его удивило, что в такой поздний час Иосиф оказался на улице: с Портянки дорога была не близкая. Он впустил Иосифа, печь была растоплена, сторож посадил Иосифа к ней поближе и помог снять валенки. Даже в такой тёплой обуви ноги парнишки были ледяными, сторож одел на руки шерстяные рукавицы, стал растирать ноги. От ног тепло разливалось по всему телу, печка хорошо грела и Иосиф начал отогреваться. Сторож стал спрашивать его, что случилось. Иосиф, ничего не скрывая, рассказал. Тот внимательно слушал его и в конце рассказа не стал утешать Иосифа: «Афанасия ни за что не простит тебя, парень! Она баба гордая, а обидел ты её сильно. Что же ты её в таком положении оставил дома одну. Придётся тебе уез-

жать из деревни, чтобы ещё больше не расстраивать, но сердце её ты не растопишь! Переночуй, а утром пойдёшь в Клепики, там тебе работа найдётся: деревенька маленькая, но поможешь, чем сможешь, а сюда не возвращайся, мой тебе совет!» Иосиф лёг на половичках рядом с печкой, очень он промёрз и устал, да и переживал за свой поступок: теперь ребёнок будет расти без отца – это его больше всего огорчало и жгло сердце. Он уснул, сам не понял когда и как. Рано утром его разбудил сторож, Иосиф умылся, сторож угостил его варёной картошкой – она была полита льняным маслом, никогда вкуснее такой картошки Иосиф не едал. Собрался быстро, вещей особых не было, всё в маленьком чемоданчике, расспросил у сторожа дорогу в Клепики, поблагодарил его и отправился в новую Жизнь. Прошло более сорока лет, состарился Иосиф, бабушкой троих внуков была Афанасия, он узнал у Ощепковских жителей адрес и город, где жила Афанасия. Добрался издалека до дома, где жила с семьёй его жена. Постоял у дверей двухэтажного дома, подошел к балкону. В то время Пелагея жила у Афанасии (свои были проблемы), она выглянула с балкона и узнала в этом дряхлом старике с большой седой бородой Иосифа. Она перекрестилась, ещё присмотрелась к нему и пошла к сестрёнке: «Сестра! Погляди ка: под балконом на лавке уж ни Иосиф ли сидит?» «Сидит и пусть сидит! Отдохнёт и уйдёт, туда ему и дорога!» Пелагея ещё раз убедилась в твёрдом характере сестры: не захочет, не заставишь!

После того, как вернулись родители от Пелагеи, спросили об Иосифе, дочь всё без утайки рассказала им. «Как же ты теперь будешь, доченька?» – спросила маменька. «Как жили, так и будем жить, не расстраивайтесь! А простить его не могу: всё в сердце перегорело!» Вдруг она схватилась за живот, присела со слезами на глазах: вот они эти горькие слёзы только сейчас излились. А маменька поняла, что пора идти за повитухой, отослала Семёна за ней, а сама приготовила чистые полотняные полотенца, поставила на печь кипятиться корчаги с водой. Семён и повитуха пришли быстро: отец так любил и жалел свою дочь, что с Портянки в деревню бежал бегом, по пути зашел к крёстному Афанасии Валентину, у того были розвальни, молодая лошадь. Кум запряг лошадь, Семён поехал за повитухой. Она оказалась дома, быстро собралась и они поехали в розвальнях к Семёну. Дома уже криком кричала Афанасия, вода согрелась, всё было готово к приходу новой жизни. Повитуха помыла руки и Семёна попросила выйти из горницы: «Негоже мужику тут находиться! Если понадобится – позову!» Афанасия лежала на широкой лавке, слушалась повитуху, та говорила ей, что надо делать, когда дышать, когда замереть и тужиться. Роды оказались скоротечными, хоть и были первыми и, как оказалось впоследствии, последними в жизни Афанасии. Семён из сеней услышал крик ребёнка, перекрестился и приоткрыл дверь. «Внучка у тебя родилась, Семён! Поздравляю! Хорошая, здоровенькая девочка, доношенная!» Семён положил

в туюс куриных яиц, взял полную крынку сметаны, чтобы отблагодарить повитуху. «Теперь растите, помогайте Афанасии, знаю, что она одна осталась, очень сожалею – лишние руки в доме всегда нужны, да что же поделаешь, судьба у твоей дочки такая». Она сказала «спасибо» за гостинцы и Семён повёз её домой, на обратном пути завёз куму лошадь, поздравил с внучкой. Кум сказал: «Нянька есть! Теперь будет и мальчик, даст Бог!» «Нет, кум, повитуха сказала, что не будет больше у моей дочери деток» – Семён заплакал скрупиными мужскими слезами, кто же может после такого известия оставаться равнодушным.

Родители помогали растить внучку, она росла спокойным ребёнком, молока у Афанасии было достаточно, девочка питалась хорошо, а, когда можно стало вводить прикорм, девочке парили репу, варили гречневый отвар, кормили свежим творожком. Всё было хорошо, никто не «замечал», что Иосифа больше в их жизни нет. Праздники продолжались, на Рождество в каждом доме готовили разные угощения: домашние баранки на сметане и топлёном масле, ландринчиками запасались, раскладывали их по берестяным кулёчкам, чтобы можно было положить в мешочки, с которыми ходили колядовать ребятишки. Считалось, что они приносили в дом, в котором они пели рождественские песенки, истинное счастье и благополучие. Тексты этих песенок были связаны с Рождением маленького Иисуса Христа-спасителя всех христиан! Морозы не мешали ребятам ходить из дома

в дом, петь колядки и получать гостинцы. Некоторые дома, где жили богато, не утруждали себя приготовлением стряпни, а в мешочки бросали мелкие монетки. После окончания колядок, славельщики, так их называли оттого, что они славили Рождение Христа, собирались в одном из домов и делили всё поровну, кто взрослее, считали монетки и делили их на всех. Зимой не все дети могли ходить в школу, потому что по очереди носили теплую обувь и одежду, не во всех семьях был достаток, а детей рождалось много, «сколько Бог давал», рожали всех! Все ждали теплых дней, весны, она на Урале была не всегда ранняя, но у природы свой «календарь», растения и деревья наливались соком. Среди хвойных деревьев, которых было больше, чем лиственных, у каждой семьи были приметные берёзки, на которых делались аккуратные надрезы, чтобы не навредить дереву, собирали берёзовый сок. Это тоже было лакомство для сельских детей. Начинала «просыпаться» черемша, растение с чесночным запахом, которое на закуску солили в больших туесах: всё, что давала щедрая Природа, шло впрок. Девочку в семье Семёна называли Евгенией по крещению. Девочку любили и дедушка, и бабушка. Пелагея приносила малышке одежду выросших детей, оставила только одну рубашечку младшенького своего, которого материнское сердце не могло забыть. Больше детей у них с Сергеем не было, видимо, что-то произошло в материнском организме после такой утраты, но это не ведомо людям, не испытавшим такого горя. Многие детишки

умирали в очень раннем возрасте, но «смирение и кротость» из заветов Христа примиряло их с тяжелой утратой. Афанасия делала по дому всю самую тяжелую работу, по пословице: «Я и лошадь, и бык! Я и баба, и мужик!» Она сама косила сено, ходила его ворошить, чтобы просохло, помогала тятеньке заготавливать лапник, плела из мочала крепкие верёвки, чтобы стога не разметало ветром. До Ощепково доходили слухи, что власть в стране сменилась, что царь отрёкся от короны в пользу брата, люди думали-гадали, что же теперь будет. Купец, живший в деревне, срочно продавал своё имущество с намерением уехать. Он смог продать только домашние вещи, лавку продать не смог, дом тоже никто не мог купить: денег у селян не было, чтобы купить за ту цену, которую выставил купец. Собрал он своё семейство, взял с собой шесть конюхов, чтобы они могли непрерывно, меняя друг друга, увезти его с семейством и домашний скраб, ценности, которые он не смог продать. Запрягли три подводы и поехали в неизвестность: они и сами не знали, где обоснуются, в деревне ли какой, в городе ли. Больше никто их никогда не встречал: как сложилась их судьба, живы ли все, никто не знал. В Ощепково из Усолья приехал уполномоченный, так он представился крестьянам. Рассказал, что к власти пришли большевики, царь Николай второй отрёкся от престола в пользу своего брата, Великого князя Михаила, но в дневниках Николая второго нашли запись о том, что «Великому князю Михаилу не гарантируют сохранение

жизни», Великий князь Михаил корону не принял. В стране началась смута и безвластие, даже в такую глухомань доказалось политическое состояние Страны в лице приехавшего, имеющего мандат на призыв в Армию всех мужчин, которые по Закону попадали под мобилизацию. Мужчин, старше 20 лет, призывают в армию, к этому списку приписали и мужа Пелагеи Сергея. По деревне в каждом доме раздавались рыдания матерей, братьев и сестёр, почти всех отцов призвали на службу. Не взяли только тех, кто болел серьёзным заболеванием, среди них оказался кум Семёна – у него был туберкулёз лёгких. У Семёна оказалось банальное плоскостопие, а набирали солдат в пехоту, куда же ему в дальние пешие походы. Но всех оставшихся предупредили, что они должны создать колхоз, дом купца приспособили под школу, бывшую школу – под сельсовет. Выбрали председателя колхоза, ему доверяли все крестьяне, деловой был мужик, ему необходимы были помощники, первая в список попросилась Афанасия, за ней «потянулись» другие. Она обещала обойти все дворы и рассказать крестьянам, что надо для организации колхоза: всему этому её научил уполномоченный. И крупный, и мелкий рогатый скот согнали в одно стойло, но каждый из колхозников, когда на улице темнело, приходили к своим «кормильцам» с кусочком хлебушка, пучком сена, пареной брюквой. Все видели, что в общем хозяйстве их скот не выживет: не было той сердечности по уходу за скотиной, они начали болеть, а лечить было некому. Со-

звали сельский Совет и приняли решение: раздать обратно всем хозяевам скот, пока он не вымер. Но большинство мужчин были мобилизованы, дома оставались старые да малые, а ведь для того, чтобы держать скотинку, кормить её надо. Это значило, что до весны-то продержались, а потом наступила пора сенокоса, полевых работ, работали одни женщины. Афанасия осталась вдвоём с отцом в доме: мама ушла к Пелагее помогать с ребятишками управляться, а сама Пелагея ходила и в поле, и на сенокос. Работали едва подростки, лет восьми-десяти, какие из них ещё работники: им бы побегать по траве босиком, поиграть в привычные игры. Мамы ругали их за это, но что взять с детей, сердце матери не держало на них зла. Продукты, припасённые до весны, заканчивались, особенно быстро израсходовалась мука, а ведь ещё сев забрал из запасов зерно. Уменьшились посадки всех культур: без мужской руки не осилить женщинам. Некоторые дворы решались забить скотину, чтобы хоть как-то продержаться, прокормить детей и стариков. Ждали возвращения мужчин, а о них никто ничего не знал: где воюют, с кем, за что? Пелагея к осени получила извещение, что её Сергей пропал без вести. Больше ни в одну семью в деревне не было никаких писем или извещений, там надеялись на скорое возвращение мужей, братьев, сыновей. А смута была не простая – это была Гражданская война, родные слыхом ни слыхивали о такой войне, где она идёт, вернутся ли их кормильцы... Мама Афанасии заболела, она с каждым

днём становилась всё слабее. Семён пригласил травницу, та осмотрела больную и сказала: «Надсада! Попробую помочь, но слишком она слаба, может не выдержать лечения». Семён любил свою жену, он мог только сочувствовать в её немощи, травница парила какие-то «венички» в кадке, хлестала ими нагую больную, но та даже не стонала – сил не было. Всё, что могла травница, она сделала, но через несколько дней жена тихо умерла, никого не мучала, все страдания несла в себе. Остались Семён с Афанасией вдвоём, но ничего не радовало его в Жизни, даже любовь к дочери и внучке не перевешивала дикая тоска. Афанасия слышала по ночам, как он скрежетал зубами, чтобы не плакать, а эта боль сжигала его изнутри, наутро он выходил из дому уставшим, как будто и не спал ночью, а именно так это было: не было рядом его верной, любящей и любимой жены. Жизнь без неё казалась пустой, бессмысленной. От этой внутренней боли он не мог избавиться ни днём, ни ночью, не дожив до весны, он умер. И так бывает, не зря в народе говорится: «Жили они долго-долго и умерли в один день» – несколько месяцев разделяло их уход в мир иной.

Никто из мужчин, призванных в первый призыв, не вернулся. Дошло до тех, кто был старше, но мог стоять в строю и воевать, правды никто не знал, что они шли защищать: то ли красных, то ли белых, а некоторые говорили, что их забирают «зелёные», власти в стране тяжело удержаться, когда в народе такой разброд. «Мудрые римляне давно подмети-

ли простую истину: времена меняются и мы меняемся вместе с ними!» Так и в этой далёкой таёжной деревеньке люди начали принимать все тяготы жизни, приспособливаться к тем условиям, которые выпали на их долю. Скота во дворах совсем мало осталось, коров, коз, гусей, уток пришлось пустить под нож: надо было выживать, кормить семьи. В некоторых домах оставили курочек: едят мало, не как утки-проорвы, а детям надо для роста хоть яйцо съесть. Афанасия же одна с дочерью сохранили корову, делились с родственниками молоком, у Пелагеи трое деток, все ещё маленькие, сами по дому не работники, им помогала тётка всем, чем могла. Крёстный Афанасии Валентин, больной туберкулёзом, после консультации с фтизиатром узнал, что туберкулёз может перейти в открытую форму, тогда от него могли заболеть члены семьи. По приезду домой, Валентин сразу же отправился к травнице. Та осмотрела его, послушала его дыхание и сказала: «Травки уже не помогут, но поддержать тебя смогу: будешь пить, как скажу. А ты в это время возьми маленького щенка от крупной собаки, корми всем, что будешь есть сам, не скупись, но и душой не привыкай. Как вырастет собачонка, придётся зарезать её, как барашка режут-в ней твоё спасение, шкурку сними и поставь мясо с салом и костями томиться в большом чугушке в печи. Топи долго, часа четыре-пять. Остуди, сними весь жир, надо выставить на холод, чтобы жир сверху был, легче снять и положить в отдельную посудину, а остальное отдай на корм домашним живот-

ным. Этот жир по одной столовой ложке пей с чаем, добавляй мяту, чтобы легче пить было. Только пей за час до еды, чтобы снадобье подействовало. Так и пей, а на всякий случай возьми ещё щеночка, откармливай и люби: тебе первого жира хватит, чтобы хворь ушла!». Валентин отблагодарил травницу, сделал всё так, как она сказала. Через шесть месяцев из щенка вырос большой упитанный пёс, его в доме звали просто Пёс, все домочадцы знали, что это лекарство для хозяина. Действительно, жира вытопилось много, Валентин выставил горячую посудину в сени, чтобы жир «подхватился». Пить жир действительно было тяжело, он добавлял в чай сушеную мяту, но желание выздороветь преобладало над всеми неприятными проблемами. Валентин уже через месяц почувствовал, что кашель стал не таким навязчивым, без крови. Он продолжал пить жир и верил в выздоровление. Он, собственно, верил травнице, так как врач ничем помочь ему не смог и ничего хорошего не предложил – живи, сколько проживёшь. Прошло общим счётом около полгода, Валентин чувствовал себя хорошо, кашля ни простого, ни кровавого не было. Он съездил к врачу, тот принял его и удивился: «Ты ведь умереть уже должен был, где же твой туберкулёз: анализы подтверждают, что ты здоров!» Валентин не стал рассказывать, как он лечился, поблагодарил врача и попрощался. Домой ехал и чуть ли ни пел от радости: главное, что он теперь не опасен для близких – он прошел это испытание. Афанасия ходила на молокозавод сдать

немного молока, чтобы взять сливочного масла. Она первая встретилась со своим крёстным, Валентин рассказал ей первой о своём выздоровлении. Они обнялись, расцеловались, Афанасия от радости всплакнула. Они вместе поехали к Валентину домой. Там, узнав, что их хозяин выздоровел, все запрыгали от счастья и по очереди обнимали Валентина. Тётка Валиха накрыла на стол, поставила то, что Бог послал. Все вместе попили чаю с домашним хлебом. Рядом со столом крутился Дружок, ему давали кусочек хлебца, налили в чашку водички и положили оставшиеся от обеда косточки. Все любили эту собачку, дружили с ним, называли «Дружок» – ему не грозила участь первого Пса. Дома Афанасию ждала на печи Евгения – это было самое тёплое место в избе. Она очень хотела кушать, но мама всё не приходила. Когда она пришла, они вместе поставили самовар, Валиха угостила Афанасию куском свежего каравая, они с мамой намазали масло, которое принесла Афанасия, получились вкусные и сытные бутерброды, спать они легли вместе на печи, чтобы согревать друг друга. Тяжело жилось и физически, и морально: нет ни отца, ни мужа, ни маменьки. Есть бесконечно горящая по пропавшему мужу Пелагея. Афанасия старалась поддержать её во всех трудных случаях, она была для сестрёнки и Папой, и мамой, и мужем. Но дни летят за днями, да что там дни – годы, время так скоротечно, а мы, глупые, мечтали, скорее подрасти, не понимали, что эти годы, когда ты ещё мал – самые счастливые. Выросли и Евгения,

и Николай, и Тоня, и Иван. Каждый пошел бы своей дорогой, но они колхозники, паспорта в Сельсовете, без документов никуда не уйдёшь, не уедешь. Паши, копай, собирай урожай, но даже денег за эту работу не платили, все работали в колхозе за трудодни. А закончив семилетку, считалось, что больше не надо учиться, что уже взрослые, а ведь так хочется заниматься наукой, научиться лечить людей, учить малышей и выводить их в «люди», да мало ли кому что хочется. Паспорт не давали на руки никому. Для девушек одна дорога, замуж выйти и воспитывать детей. Для юношей только одно: работа на полях, за скотом ухаживать, специально никто никакой профессии получить не мог. А в деревне начала появляться полевая техника, так приезжали механики из города, учили желающих работать на тракторах, водителей для грузовичка. А в город – ни-ни! Вернулись с войны тяжелораненые мужчины, которые не успевали нарадоваться встрече с родными, но лечить их было некому, даже фельдшера в колхозе не было, так они и уходили, теперь уж в сырую землю с пожеланиями родных и близких: «Земля тебе пухом! Царствие небесное!». Это окончательно старило женщин, дождались, а век оказался таким коротким...

Началась другая война – Великая Отечественная, подросшие ребятишки снова с заплечным мешком уходили. Кто-то уходил добровольцем, не ожидая повестки из Военкомата. Евгения поехала в Усолье «на разведку». Там она пошла в Военкомат, ей повезло: военком был сегодня на месте, она

уговорила её выслушать. «Ты что не понимаешь, какое время! Каждая минута дорога, сутками дома не бываю, о чём мы с тобой будем говорить?» Евгения попросилась отправить её на фронт, девушка она была физически развитая, не скажешь, что ей всего семнадцать. «А что ты умеешь? Да, а сколько тебе лет?» «Восемнадцать, скоро девятнадцать стукнет!» «А ты на самолёте летала хоть раз?» Евгения знала только, как управляться с лошадьми. Ответила правдиво: «Не летала!» «А хочешь попробовать? Сейчас нам надо набрать на курсы инструкторов по парашютному спорту, готовить для заброски в тыл врага радистов, попробуешь?» «Да!» – уверенно ответила Евгения. Военком кому-то позвонил, ругался, грозил «разогнать» всю шайку, а потом повёл разговор о ней: «Я сейчас тебе девушку пришлю, объяснишь всё, пусть попытается полетать». Военком объяснил, где находится аэродром и как туда на лошади проехать. Евгения поблагодарила военкома, что время на неё потратил, поехала на аэродром. Это была небольшая площадка, очищенная от пней и всякой другой поросли, выровненная трактором. На этой площадке стояли два маленьких самолёта, лёгкие, они удивили Евгению: она ожидала увидеть махину, на которой и лететь-то страшно. К ней подошел старший инструктор, спросил, кто она и что здесь делает. Евгения рассказала о военкоме, который её сюда послал. Мужчина внимательно осмотрел Евгению, очень тщательно, как будто он «выбирал лошадь», только что зубы не смотрел. Решил, что эта девуш-

ка будет здесь более необходима, чем на фронте, куда она просила призвать её добровольцем. «Пойдём! Сделаем контрольный полёт, чтобы ты знала, сможешь ли летать не для развлечения, а для работы!» Они подошли к одному из самолётов, рядом с ним были механики, которые делали предполётную подготовку. Они доложили старшему инструктору, что самолёт к вылету готов. Пришел пилот, по приставной лестнице поднялся в самолёт, предложил Евгении следовать за ним. Евгения с трепетом в душе проследовала за пилотом, он показал, где она может сесть, пристегнуться перед полётом. Во время взлёта самолёта у неё замерло сердце от страха: она ни разу не поднималась на самолёте на такую высоту, прислушивалась к своему внутреннему состоянию. Вскоре она обвыклась и могла даже с высоты осматривать землю со всеми лесами, домами, реками. Она увидела с высоты Каму, по которой ездила на речном трамвайчике: река показалась ей величавой и очень красивые берега, покрытые густыми лесами. Она быстро освоилась в полёте, пилот иногда поворачивал голову, чтобы узнать, как она себя чувствует: Евгения показывала пилоту большой палец, что означало «всё в порядке». Пилот был удивлён, что впервые летевшая в самолёте девушка, чувствует себя адекватно, не паникует, не просится снижаться, чтобы выйти. Они полетали по кругу над аэродромом три раза, самолёт пошел на посадку. Приземлились благополучно, пилот подсказал Евгении, чтобы та не забыла, что она пристёгнута. Евгения сделала всё

правильно и вышла перед пилотом, спокойно и твёрдо стояла на земле. Пилот доложил старшему инструктору, что девушка подходит для обучения, никаких препятствий для отказа нет. «Мы тебя зачисляем в класс подготовки инструкторов для прыжков с парашютом! Давай паспорт, оформим всё официально!» А в сельсовете никому из колхозников не выдавали паспорта, чтобы они не ушли в город, тогда в колхозе работать некому будет. Евгения попросила старшего инструктора дать ей документ о зачислении в отряд инструкторов, чтобы председатель выдал ей паспорт. Получив завизированную, с круглой печатью бумагу, Евгения отправилась домой. По дороге заехала в Военкомат, военком только что откуда-то вернулся, они встретились с Евгенией на улице. Она рассказала все новости, военком пожелал ей удачи и терпения: учиться надо очень прилежно – прыжки с парашютом дело опасное, многое зависит от самого парашютиста. Евгения поблагодарила военкома и поехала на свою малую Родину-Портянку. Председатель, прочитав распоряжение с курсов по прыжкам с парашютом, выдал ей Паспорт: он дал распоряжение секретарю, чтобы она выписала Евгении паспорт. Секретарь была близкой подругой Евгении. «Нюра! Ты ведь будешь по моим метрикам заполнять паспорт, никто не помнит, когда я родилась, добавь мне годок к рождению, чтобы меня по необходимости взяли на фронт, если у меня что-то не получится с курсами. Пожалуйста! Я не могу больше жить в деревне, мама не будет против, а, может быть, даже

обрадуется: руки будут развязаны». Подруга под свою ответственность добавила год к рождению Евгении, отнесла паспорт на подпись и печать к председателю. Он доверял своему секретарю, не глядя подписал и поставил печать. Подруга вручила паспорт Евгении, они обнялись и попрощались: что будет в дальнейшем, никто не знал.

Пройдя краткосрочные курсы по обучению парашютистов, во время которых её научили правильно складывать парашют, чтобы он вовремя раскрылся после прыжка, она через день после окончания этого курса впервые сама прыгнула из самолёта: парашют не подвёл, она приземлилась прямо в «девятку» расчерченного круга приземления. Старший инструктор похвалил её и поздравил с первым прыжком. Евгения чувствовала себя после прыжка хорошо: и во время прыжка она вела себя так, как будто воздух для неё родная стихия. Ещё прыгнув с парашютом пару десятков раз, ей присвоили звание «Инструктор по парашютному спорту», это удостоверение давало ей право набирать из группы радистов, которые обучались параллельно в этом же центре. Среди них был и двоюродный брат Евгении, сын Пелагеи Николай: он всегда хорошо изучал физику, увлекался радиотехникой, собирал из подручных материалов приёмники-малютки. Попросил у своего крёстного отца, когда тот ездил в Усолье, устройство и книгу для изучения азбуки Морзе. Николай был готовым радистом, по возрасту он подходил для призыва в Армию, поэтому его сразу зачислили на кур-

сы. Он закончил их превосходно и получил военно-учётную специальность радист со знанием немецкого языка, так как им преподавали этот язык, война была с немецко-фашистскими захватчиками, а они будут работать именно в тылу врага. «Тыл» – понятие относительное, в любое время он мог оказаться передним краем, именно там им пригодится знание немецкого. Евгения отобрала Николая в группу своих обучаемых, это не запрещалось правилами, их родственные отношения даже было большим плюсом! В группе было всего семь человек, среди них были два юноши, остальные девушки из соседних сёл и деревень. Евгения тщательно готовилась к каждому занятию, она понимала, что даже малейшая ошибка в обучении может стоить ученикам жизни. Вся группа очень серьёзно относилась к учёбе, Евгения радовалась их успехам, подбадривала их, как могла, она знала, что не все вернутся после выполнения задания, она сама хотела вместе с ними на фронт, но, со слов старшего инструктора, здесь она была более необходима. Евгения подготовила шесть групп парашютистов, с каждой группой она совершала прыжок, всё проходило нормально. Удивительная цифра «семь» – это моя любимая цифра, потому что всё, что связано с этой цифрой, было удачно для меня. А вот для моей мамы – Евгении, эта цифра оказалась почти катастрофой: во время прыжка она увидела, что последняя из группы висит на нераскрывшемся полностью парашюте. Евгения, маневрируя, подхватила девочку и, убедившись, что ниче-

го не мешает ей, раскрыла свой парашют. Только благодаря тому, что Евгения была по весу почти в два раза больше, а девчужка – юная, хрупкая, они опустились вдвоём на парашюте Евгении, но во время приземления неловко упали друг на друга, а не на ноги, присев. У Евгении была сломана нога, у девочки – вывих плечевого сустава. Перелом был закрытым, это было лучше, если бы он оказался открытым. На ногу наложили гипс, с такой травмой Евгения могла только преподавать теорию. Как жаль, что её двоюродный брат Николай был отправлен с одной из первых групп радистов и уже был на линии фронта и успешно держал связь с командованием. Он мог бы ей помочь. Но Евгения – девушка сильная, выносливая, через две недели её свозили на рентген: нога срасталась нормально, уже начала образовываться «мозоль» из хряща в месте перелома. Пережив все неприятности и боль, Евгения, выздоровев, снова начала практические занятия с очередной группой радистов. Она работала на обучении парашютистов до конца войны. За усердие её награждали почётными грамотами, объявляли благодарности от Военкома. Главное было то, что у неё на руках был паспорт, и она после войны могла устроиться на работу в Березниках. Грамотных после войны было мало, ей предложили руководить Жилищно-коммунальным хозяйством города. Это была очень трудная работа, требовала знаний в разных областях, но Евгения много читала, изучала проекты жилых домов, чтобы штат ЖКХ мог правильно устранить какую-либо

неполадку. В её руках была большая власть, но воспитание не позволяло ей пользоваться этой властью. Она получила комнату в коммунальной трёхкомнатной квартире, перевезла к себе Афанасию.

Пелагея дождалась с войны своего старшенького Николая: как ни странно, но он пришел без ранений, совершенно здоровый. Но он всё оставался колхозником, из документов у него была только красноармейская книжка, он ходил по разным организациям, искал в городе работу. Встретил случайно друга, который тоже родился в Ощепково, фамилия у него была, как и у большинства жителей этой деревни: Бабины, была ещё одна фамилия, Малинины, потому что у меня все самые ближние и дальние родственники были Бабины, не ошибёшься. Николаю друг предложил пойти в пожарное депо. Там был набор нового состава пожарных: многие не вернулись с фронта, некоторые приехали кто без руки, кто без ног, они уже не могли работать по своей довоенной специальности, пожарные расчёты были не полными, а пожары случались часто, ведь город «первой пятилетки» начинался с деревянных домов, барачков и временок. Побеседовав с Николаем, начальник пожарной охраны решил, что Николай – находка для пожарного депо. Николай был очень красивым, широкоплечим, высоким, сильным мужчиной. Он по физическим данным подходил для работы пожарным, как никто. Узнав, что у Николая нет паспорта, потому что его призвали на фронт из деревни, начальник по-

жарной охраны объяснил на словах, что работа пожарного – это тяжелая служба, написал заявление на имя Председателя колхоза, что Николай принят на пожарную службу, для устройства требовался паспорт гражданина СССР. С этим письмом, заверенным всеми штампами, печатями и подписями, Николай поехал в Ощепково, на Портянку, чтобы повидаться с родными и близкими друзьями. Сидеть без работы Николаю было стыдно, вот он и отправился к двоюродной сестре Евгении. Теперь у него былая другая цель: получить паспорт. У Председателя на весь период ВОВ была бронь: войска надо было обеспечивать продуктами, а кто мог выращивать продукцию для наших воинов, кроме колхозников. Получив паспорт, Николай устроился на работу, ему дали комнатку в коммуналке, там жили ещё четыре человека, каждый был одинок и жил в своей комнате. Среди них Николаю приглянулась женщина, чуть старше его, но очень убористая, просто красавица. Он стал за ней ухаживать, она отвечала ему, вроде всё шло к свадьбе. Но однажды Николай пришел домой раньше, чем всегда и увидел интимную сцену приглянувшейся ему женщины с соседом из другой квартиры. Николай не мог предъявлять ей никаких претензий, он не муж, а так – сосед! Они здоровались друг с другом, но у Николая появилось стойкое отвращение к женщинам такого типа. Друзья его познакомили с женщиной-вдовой с сыном пяти-шести лет. Она не была красавицей, характер был крутой, всё делала так, как хотела она. Несмотря на все недо-

статки, Николай сделал ей предложение, усыновил её сына и они стали жить в «коттедже» на восемь квартир: после войны надо было размещать людей, эти «коттеджи» клепали, как пирожки пекли. В каждом было по одной комнате, всего восемь на весь коттедж, но было преимущество: была холодная вода на кухне, туалет в общем на две квартиры коридоре. Николаю очень хотелось иметь своих детей, но жена, её звали Нина, сказала, что делала много аборт и больше не может иметь детей. Грустно стало Николаю от такого известия, но делать нечего, они жили в браке и сына её усыновил. Так и жили. Сын – Сашка, так звала его Нина, вырос, его призвали в армию на три года. Они остались жить вдвоём. Но пути Господа неисповедимы: однажды Нина сказала Николаю, что, кажется, она беременна. Это было ступором для Николая, он не знал, радоваться ему или плакать: так растерялся. Ведь сын-то в армии, а здесь будет новый человек, как он к этому отнесётся. Николай попросил Нину не сообщать Сашке о беременности, не известно, что будет дальше. Нина встала на учёт в гинекологии, при очередном осмотре, гинеколог сказала, что прослушивает два сердцебиения. Нина не стала рассказывать мужу об этом «сюрпризе», надо ещё доходить положенный срок. Живот уже было видно, от соседей ничего не скроешь, начались пересуды: «Сын в армии, а она на сносях! Ну, дура баба, да и только!» Нина иногда видела косые взгляды соседок, но два сердечка напоминали ей молодость, и она очень радовалась такому По-

дарку! Подходил срок родов, Николай был не глупый мужчина, он давно знал, что Нина беременна, только то, что там их двое, было для него сюрпризом. Врач посоветовала Нине лечь в стационар на сохранение беременности дней за десять до предполагаемых родов. Консилиум из врачей-гинекологов подтвердили, что женщина носит двойню. Ей требовалось особое внимание: не молодая уже. Несколько раз в день к Нине приходили дежурные акушерки, спрашивали о состоянии её здоровья, самочувствии. Нина ничего плохого не ощущала, слышала, как эти детки толкают ножками, она обнимала живот руками и с удовольствием «разговаривала» со своими детками. Среди ночи Нина почувствовала сильную боль внизу живота, она волнообразно распространялась по телу, на некоторое время боль затихала, а потом повторялась вновь. Это начались схватки, Нина, в перерыве между схватками, пошла к посту дежурной акушерки. Рассказала ей всё, та повела её в смотровую. Пригласила врача-гинеколога. Врач с секундомером считала время между схватками. Они становились всё чаще, врач сказала акушерке, что роженицу надо отвести в предродовую палату и подготовиться к родам. Едва успели сделать всё, что положено перед родами, как самостоятельно отошли воды. Нину быстро перевезли в родовую. Врач ещё мыла руки, чтобы принять роды, как акушерка сказала, что женщина рождает. Наспех вытерев руки, врач подошла к роженице, минуту спустя они приняли первого ребёнка – это была девочка с неплохим

весом. Через несколько минут родилась ещё одна девочка, вес её был чуть меньше первой, но она соответствовала всем параметрам доношенного ребёнка. «Две девочки у Вас, мамаша! Вес и рост нормальные! Надо надеяться, что и молочка для них у Вас хватит!» Николай стоял в коридоре, ему на работу позвонили, что жена родила, он работал в ночную смену. Когда из родовой вышла врач, он кинулся к ней с вопросом: «Кто родился? Сын? Дочь?» «У Вас две хорошеньких девочки-близнецы! Поздравляю!» «Как две?» – ничего не понимая, удивлялся Николай. Теперь он искренне радовался, как в поговорке: «То ни гроша, а вдруг алтын!» Николай ждал, когда ему разрешат посмотреть на жену и девочек. Когда Нине разрешили вставать, она подошла к окну: перед этим Николай передал через медсестру гостинцы для Нины, медсестра рассказала, где Нина сможет подойти к окну и увидеть мужа. Действительно, напротив окна стоял Николай, он радостно улыбался, приложил руку в область сердца и к губам: так он поблагодарил Нину за девочек! Нина тоже улыбалась ему и разводила руками, как будто говоря: и так бывает! Молока у неё было достаточно, чтобы самостоятельно кормить детей, без прикорма сцеженным молоком других мамочек. Она показала руками, что передаст ему записку, чтобы Николай не ушел. Нина в записке написала, что надо купить для девочек, для себя попросила зелёных яблок и грецких очищенных орехов. Передала записку медсестре, а Николаю Нина показала, чтобы он вошел в фойе и получил

от неё записку. Николай всё понял, подошел к окну, помахал Нине её письмом, потом послал «воздушный поцелуй». Нина ответила ему тем же и пошла в палату. Николай всем родственникам рассказал о радостном событии в его семье. Все помогли, кто чем мог. Приехала Пелагея, тоже поселилась у Евгении. Днём позже приехали Антонина и Иван, навестили и поздравили Нину. Они ходили по городу и покупали всё, что заказала в записке Нина. Через 10 дней Нину выписали из роддома, встречать её пришли все родственники и близкие подруги Нины. Вынесли два «свёрточка» с девочками, Николай взял их обеих на руки, поблагодарил медсестру, передав ей букет цветов. В городе ходили троллейбусы, они доехали почти до квартиры Нины. Такое количество народа собралось, а комната маленькая, в ней едва уместились две детские кровати и кровать родителей. Посредине стоял круглый стол, все расселись вокруг стола: Николай у соседей попросил табуретки, чтобы каждому гостю было место, а они с Ниной сидели, обнявшись, на кровати. Девочки пока спали: наверное, после крика в детской комнате роддома, там многие детки кричали, если у них были мокрые пелёнки или хотели есть. На стол накрывали родственники, пусть стол был небогатый, но всё было своё, кроме шампанского. Всем разлили по стаканам шампанского, кроме Нины: ей налили клюквенный морс, который приготовила Антонина. Все подняли «тару», Пелагея произнесла тост за здоровье молодых родителей и детей. «Так жалко, что наш

«дедушка» Сергей не видит этих очаровательных крошек!» Пелагея всегда плакала, когда вспоминала своего любимого мужа, но сегодня она только смахнула слёзы со щёк, все чокнулись и выпили шампанское. На столе были дешёвенькие конфеты-подушечки, шампанское «закусили» ими. Пировали долго, дети успели проснуться, Николай попросил гостей выйти на кухню, чтобы перепеленать и накормить девочек. Пока Николай пеленал вторую девочку, Нина кормила первую. Им ещё не дали имён, на кухне разгорелись споры, как их назвать. Предложения были разные и обоснованные, но, в конце концов, решили, что право назвать детей есть только у родителей. Они назвали их Татьяна и Мария: Танечка и Манечка. После того, как дети были сыты, они сразу заснули, родители радовались, что девочки спокойные, пока. Что будет дальше, будет видно... Пришло письмо из армии, сын писал, что скоро закончится срок его службы и приедет он не один: в одном из увольнений он познакомился с девушкой, они долго с ним встречались, но сын ничего раньше родителям не писал. Николай и Нина решились написать ему, что у него теперь есть две сестрёнки. Они понимали, что это известие шокирует сына, но и не сообщать тоже нельзя. Сын вернулся из армии с красивой блондинкой: сам он был в Нинину породу, с жгуче-черными волосами. Пара была красивая, но жилья у них не было. Они обратились к Евгении, она подыскала им комнату в общежитии, они были и этому рады и благодарили тётку. Евгения пока жила одна

с мамой, то есть Евгения не встречалась с мужчиной, причина банальна: времени не хватало. Но однажды, после очередного обхода жилого фонда она встретила с красивым парнем-фронтвиком. Они были почти ровесники, парнишка тоже обратил внимание на Евгению. При дальнейшем знакомстве и встречах, они решили назвать свои имена:»! Евгения!» «Харитон!» Одновременно: «Очень приятно!» – оба расхохотались. Они очень понравились друг другу, тем более, что Евгения напоминала Харитону его первую жену, погибшую вместе с их общим, не успевшим родиться, ребёнком. На время ноябрьских Праздников во все общественные помещения назначали дежурных, чтобы предупредить нежелательные события между подвыпившими людьми. Праздник есть Праздник, как не отметить его рюмочкой-другой. Евгения и Харитон оказались на дежурстве вместе, гуляющие разошлись, можно было закрывать двери, так и состоялась их первая близость.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.